

становка теоретических проблем, богатый фактический материал делают эту работу полезной и нужной для всех, кто интересуется историей, искусством, литературой и фольклором славянских народов.

М. Я. Гольберг

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

М. А. Родионов. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1982 г. 135 с.

Бурные события на современном Ближнем Востоке не раз показывали недостатки в разработке учеными как прикладных, так и фундаментальных проблем истории и этнографии этого района мира. В частности, воочию обнаружилось, насколько действенным социально-политическим фактором остается здесь религия. События последних лет подчеркнули еще одну функцию религии — этноразделяющую; это косвенно подтверждает актуальность изучения соотношения религиозного и этнического и вычленения такого понятия, как этноконфессиональные общности, или группы.

Ливанские марониты, активные участники многих главных событий новой и новейшей истории Ливана, как бы еще раз напоминают и о политическом значении христианских общин Востока, и о связи религиозных и этнических критериев объединения и разъединения людей. Идеи и политические лидеры этой группы ливанского населения настойчиво пропагандируют идею ее этнической обособленности, гордость «самым чистым» христианством; они выражают претензии на особое «финикийско-мардаитское» происхождение маронитов. Все это составляет важнейшую часть маронитского общинного самосознания.

Разобраться в истинном характере особенностей «маронитства» весьма важно и для научной, и для прикладной оценки политической ситуации в сегодняшнем Ливане. Однако сделать это трудно (практически невозможно) без тщательного и квалифицированного, выходящего за рамки одних только политических отношений, анализа, основанного на материале и методике истории, религиоведения, этнографии и истории культуры.

Именно такой анализ предлагается читателю в рецензируемой книге М. А. Родионова. Монографическое исследование маронитов такого плана предпринимается в марксистской науке впервые. Все прежние описания маронитской общины, из которых автор извлекает много фактических данных, прямо или косвенно связаны с самими маронитами, и потому их объективность во многих случаях, мягко говоря, нельзя считать абсолютной. Главное, что выделяет рецензируемую книгу, — сочетание хорошего знания истории и памятников культуры христианского Востока, в частности арабско-христианского, с тщательным и исчерпывающим этнографическим анализом.

В результате автору удается убедительно показать, что маронитская «этноконфессиональная группа» существует в рамках основного этноса — ливанских арабов, обладая при этом реальными и существенными особенностями, порожденными в значительной степени маронитской религиозной идеологией, но существующими часто уже и отдельно от нее. Однако эти особенности не дают оснований для выделения маронитов в особый этнос, отличный от арабского.

Само собой разумеется, что простая декларация такого вывода еще недостаточна для заслуживающего внимания исследования. Работа М. А. Родионова ценна и целенаправленным описанием, и анализом особенностей быта, общественной жизни, культуры, истории и самосознания маронитов. Очень интересно и убедительно исследованы некоторые маронитские «исторические» мифы, якобы подтверждающие извечную обособленность этой группы от остальных ливанцев, — об их «исконном» католицизме, мардаитском происхождении, «франкских» истоках эпонима группы — Йуханны Маруна, важной роли маронитов в политической жизни Ливана начиная с XVII в. и т. д.

Я согласен с автором, что сложное сочетание общих и особых черт идеологии, быта и культуры, свойственное жизни маронитов Ливана, достоверно описывается в системе, связанной с этнографическим понятием «этноконфессиональная группа». Это понятие, положенное в основу исследования, следует признать научно верным и корректным и потому оно может быть хорошим ориентиром и в истории Ливана, и в сегодняшней ливанской политике.

Историческая часть, с которой начинается книга М. А. Родионова (гл. I «Основные этапы истории маронитов»), посвящена главным периодам интересной и во многом (как в далекое, так и в недавнее время) весьма туманной истории этой группы. Течение почитателей и приверженцев учения сирийского аскета V в. Маруна появилось в Горном Ливане в VII в., после мусульманского завоевания. Первый патриарх независимой маронитской церкви Йуханна Марун (конец VII — начало VIII в.) заложил основы догматического и политического противостояния маронитов византийской и исламской власти. Одна из ветвей сирийского христианства, марониты включили в себя самые различные этнические элементы, как коренные ливанские, так и пришлые.

Община маронитов без особых событий просуществовала до крестовых походов

XII—XIII вв., когда она вышла из изоляции, став главным союзником крестоносцев, что было закреплено унией с Ватиканом, основанной, в частности, на легенде об исконной правоте маронитов. В маронитской церкви началось постепенное искоренение восточных обычаев и традиций, продолжающееся по сей день.

Правление мамлюков прервало связи маронитов с Римской курией, но их община, состоявшая главным образом из крестьян Горного Ливана, продолжала сохранять религиозную самобытность. В XVI—XVIII вв. сложившаяся маронитская верхушка приобретает значительное политическое влияние под властью друзской знати и турецких пашей. Вопреки утверждениям маронитских историков, однако, она не стала господствующей политической силой Ливана.

Сложение в Горном Ливане феодальной иерархии и ее усиление сочетались с активизацией связей с Римской курией, развивавшихся достаточно сложно, но в целом способствовавших проникновению в Ливан европейского политического и культурного влияния. Особенно большое значение это имело для маронитов.

Маронитская община Ливана значительно усилилась в XVIII—XIX вв., в частности, благодаря оседанию маронитских крестьян на новых землях. Маронитская церковь и светская знать умело использовали крестьянские восстания и соперничество с друзскими шейхами для усиления своего влияния. Это соперничество вылилось в ряд кровавых друзско-маронитских конфликтов. Религиозная окраска, которую неминуемо приобретало движение ливанских крестьян, способствовала усилению политического влияния маронитской церкви. Роль церкви возросла благодаря отмене системы икта и ослаблению феодальной системы управления в конце XIX в. В то же время из среды маронитов вышла значительная часть той ливанской буржуазии, которая связала свои интересы с европейским проникновением в Ливан.

После первой мировой войны Ливан становится подмандатной территорией Франции в новых, более широких территориальных рамках. Марониты, составившие в это время примерно 1/3 населения Ливана, были влиятельным политическим фактором, но не имели возможности стать господствующей политической силой, как того хотелось многим маронитским лидерам. Реальное соотношение политических сил требовало сотрудничества между многочисленными ливанскими конфессиональными общинами и группами, которое и нашло свое выражение в устном «Национальном пакте», провозгласившем арабский характер Ливана и специфику его социально-политической структуры; сохранение и того и другого обеспечивается посредством системы распределения всех государственных должностей между представителями разных вероисповеданий.

История маронитов Ливана, прослеженная по большому числу исторических трудов, как маронитских, так и европейских, показывает, что эта группа длительное время представляла значительную политическую силу, традиционно связанную с европейским влиянием. Однако это была лишь одна из политических сил. Политическая история страны на протяжении веков создала сегодняшнюю внутриливанскую ситуацию — сложное сочетание и сосуществование на грани войны разных политических сил и группировок.

Гл. II «Общая этнографическая характеристика ливанских маронитов» посвящена особенностям внутренней жизни маронитской общины в настоящее время. Автор подробно описывает расселение маронитов, среди которых и сейчас большую часть составляют сельские жители — земледельцы. Он анализирует их традиционную хозяйственную деятельность, показывает участие в торговле и капиталистическом развитии. В итоге делается вывод об отсутствии у маронитов какой-либо хозяйственной специфики, типично «маронитских занятий».

Тип поселений и жилищ связан как со стойкими ближневосточными традициями, так и с новыми западными влияниями; утварь, одежда и пища убедительно свидетельствуют о глубоких местных корнях материальной культуры маронитов, мало отличающейся от культуры других групп ливанского населения. В семейно-брачных отношениях сохранились старые обычаи и, возможно, мусульманские влияния, которых Ватикан, несмотря на все усилия, не сумел выкорчевать из жизни маронитов и по сей день. Это и практика ортокузенного брака, и выкуп за невесту, и другие установления. Семейные и календарные обычаи и обряды содержат немало особенностей, тесно связанных с религией. Однако там, где религиозное влияние слабее, выходит наружу общность культуры и культурного наследия всех жителей Ливана. В обрядах сохранилось немало следов домонотеистических верований; маронитский фольклор, как и вся бытовая и общественная, за исключением ритуальной, жизнь маронитов, строится на основе арабского языка, что также свидетельствует о значительном сходстве и взаимных контактах членов разных религиозных общин Ливана.

В то же время в среде маронитов сложилось внутреннее общинное самосознание, которое главным образом способствует выделению их в особую группу в рамках этноса ливанских арабов. Изучение эволюции общинного самосознания маронитов, проведенное автором по литературе и источникам XV—XX вв., представляется мне одним из наиболее интересных разделов книги, вносящей несомненный новый вклад в изучение маронитов. М. А. Родионов показывает, как в сохраняющих многие средневековые черты хрониках постоянно выкристаллизуются идеи, создаются «мифы», служащие основой для представлений о маронитской исключительности.

Завершает книгу анализ соотношения традиционных институтов маронитской общины: церкви и родственных коллективов — в рамках традиционной социальной структуры. Церковные организации сумели эффективно вписаться в действующую в Ливане систему родовых и родственных связей; конфессиональная община замыкает входящие в нее родственные объединения. Искусственно идентифицируя религиозные узы с родственными, церковь старается воссоздать комплекс формальных принципов, при-

суших этносу; при этом она пропагандирует тезис об особом этническом происхождении маронитов. Церковь способствует конфессионализации инфраструктур: образования, здравоохранения, прессы, транспорта и т. д. Создается непростой союз церкви с консервативными лидерами маронитов, общими усилиями стремящимися способствовать этническому обособлению маронитов.

Мне представляется, что этот раздел книги, пожалуй самый в ней важный, автору следовало бы расширить как за счет фактического материала, так и за счет анализа. Хорошо было бы проанализировать весь механизм этноструктурирующей деятельности маронитской церкви, выявить причины ее успеха, показать ее умение использовать культурное и социальное наследие ливанских горцев.

Однако и приведенного в книге материала достаточно, чтобы читатель согласился с основными выводами автора, подчеркивающего значительную культурную общность маронитов с другими конфессиональными группами ливанских арабов и одновременно их специфику, выражающуюся в ритуально-обрядовой сфере, идеологии и самосознании, культурной ориентации на Запад, специфическом соотношении архаики и новаций.

Проведенный в книге анализ показывает, как представляется, что Ливан был и продолжает оставаться местом бытования многих этнических и «псевдоэтнических» явлений, что дальнейшие судьбы маронитской этноконфессиональной общности еще окончательно не определились, а имеющееся культурное наследие может послужить объективной базой для разных по своему направлению процессов.

В заключение позволю себе отметить, что в целом неплохо полиграфически подготовленный текст содержит некоторые досадные непоследовательности, например «кельб» (с. 14), но «кальб» (с. 120); некоторые опечатки в написании европейских названий книг и транслитерации арабских заголовков (см., например: Библиография, № 180, 196, 281, 286). Очень обидно, что в книге нет карты; совсем непростительно, что в ней нет резюме на каком-либо европейском языке.

В целом же книга М. А. Родионова представляет существенный вклад как в изучение Ливана и современного арабского мира, так и в разработку общей теории развития этнических общностей.

М. Б. Пиотровский

Н. Г. Краснодембская. От Львиного острова до Обители снегов (рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии). М.: Наука, 1983. 108 с.

В последние годы этнографические музеи приобрели особенно широкую популярность. Уникальные памятники культуры больших и малых народов, говорящих на разных языках и живущих на разных континентах, собирают многомиллионную аудиторию. Музейные коллекции представляют большую ценность не только для исследователей, но и для многочисленных посетителей-неспециалистов, по достоинству оценивающих эти коллекции как интереснейшие источники по истории, быту, культуре, искусству, мировоззрению различных народов земного шара.

В ряду крупнейших этнографических музеев мира видное место занимает Музей антропологии и этнографии АН СССР, носящий имя своего создателя Петра Великого. История создания МАЭ (бывшей Кунсткамеры) насчитывает почти 270 лет. МАЭ — единственный в нашей стране музей, в котором представлены материалы, отражающие культуру и быт практически всех народов мира.

Одним из богатейших в МАЭ является Отдел народов Южной Азии. В нем сосредоточены этнографические коллекции, насчитывающие около 12 тыс. предметов по этнографии Индии, Пакистана, Бангладеш, Шри Ланки и Непала.

Существует значительная литература, посвященная коллекциям МАЭ¹. Но до сих пор не появлялось ни одной доступной широкому читателю работы о народах Южной Азии и о собирателях этих коллекций².

И вот вышла в свет работа специалиста по этнографии и искусству народов Индии и Шри Ланки Н. Г. Краснодембской «От Львиного острова до Обители снегов». Это очерк о коллекциях МАЭ по истории и культуре народов Южной Азии и об их собирателях. В книге две главы: в первой живо и интересно повествуется о том, как вещи могут «говорить» об истории народов, а в другой довольно своеобразно показывается «жизнь» самих вещей, отразившая жизнь их собирателей.

Вместе с автором читатель совершает увлекательную поездку по странам Южной Азии, и перед ним постепенно раскрывается особый духовный мир людей, живущих на

¹ См.: Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л.: Наука, 1978; Шафрановская Т. К. Чудес палата. Л.: Наука, 1967; *ее же*. Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР. Путеводитель без экскурсовода. Л.: Наука, 1979; Итс Р. Ф. Кунсткамера. Л.: Лениздат, 1974; *его же*. Цветок лотоса. Рассказы этнографа. М.: Географиз, 1962; *его же*. Века и поколения. Этнографические этюды. М.: Мысль, 1977, и др.

² Известна лишь небольшая брошюра, давно уже ставшая библиографической редкостью: Мерварт А. М. Отдел Индии. Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ. Л., 1927.